

Д. И. ФОНВИЗИН
(1745 – 1792)

**НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ, МОГУЩИХ ВОЗБУДИТЬ
В УМНЫХ И ЧЕСТНЫХ ЛЮДЯХ ОСОБЛИВОЕ ВНИМАНИЕ**

«Собеседник любителей русского слова», под надзором почтенный наук покровительницы, есть и должен быть хранилищем тех произведений разума, кои приносить могут столько увеселения, сколько и действительной пользы. Издатели оного не боятся отверзать двери истине; почему и беру вольность представить им для напечатания «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание». Буде оные напечатаются, то продолжение последует впредь и немедленно. Публика заключит тогда по справедливости, что если можно вопрошать прямодушно, то можно и отвечать чистосердечно. Ответы и решения наполнять будут «Собеседник» и составлять неиссякаемый источник размышлений, извлекающих со дна истину, толь возлюбленную монархиней нашей.

Вопросы:

1. Отчего у нас спорят сильно в таких истинах, кои нигде уже не встречают ни малейшего сомнения?
2. Отчего многих добрых людей видим в отставке?
3. Отчего все в долгах?
4. Если дворянством награждаются заслуги, а к заслугам отверсто поле для всякого гражданина, отчего же никогда не достигают дворянства купцы, а

Ответы¹:

- На 1. У нас, как и везде, всякий спорит о том, что ему не нравится или непонятно.
- На 2. Многие добрые люди вышли из службы, вероятно, для того, что нашли выгоду быть в отставке.
- На 3. Оттого в долгах, что проживают более, нежели дохода имеют.
- На 4. Одни, быв богаче других, имеют случай оказать какую ни на есть такую заслугу, по которой получают отличие.

¹ Ответы написаны императрицей Екатериной II.

всегда или заводчики, или откупщики?

5. Отчего у нас тяжущиеся не печатают тяжб своих и решений правительства?

6. Отчего не только в Петербурге, но и в самой Москве перевелись общества между благородными?

7. Отчего главное старание большой части дворян состоит не в том, чтоб поскорей сделать детей своих людьми, а в том, чтоб поскорее сделать их не служа гвардии унтер-офицерами?

8. Отчего в наших беседах слушать нечего?

9. Отчего известные и явные бездельники принимаются везде равно с честными людьми?

10. Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?

11. Отчего знаки почестей, долженствующие свидетельствовать истинные отечеству заслуги, не производят по большей части к носящим их ни малейшего душевного почтения?

12. Отчего у нас не стыдно не делать ничего?

13. Чем можно возвысить упавшие души дворянства? Каким образом выгнать из сердец нечувственность к достоинству благородного звания? Как сделать, чтоб почтенное титуло дворянина было несумненным доказательством душевного благородства?

На 5. Для того, что вольных типографий до 1782 года не было.

На 6. От размножившихся клобов².

На 7. Одно легче другого.

На 8. Оттого, что говорят небылицу.

На 9. Оттого, что на суде не избличены.

На 10. Оттого, что сие не есть дело всякого.

На 11. Оттого, что всякий любит и почитает лишь себе подобного, а не общественные и особенные добродетели.

На 12. Сие неясно: стыдно делать дурно, а в обществе жить не есть не делать ничего.

На 13. Сравнение прежних времен с нынешними покажет несумненно, колико души ободрены либо упали; самая наружность, походка и проч. то уже оказывает.

² Клобы – клúбы.

14. Имея монархиню честного человека, что бы мешало взять всеобщим правилом: удостоиваться ее милостей одними честными делами, а не отваживаться проискывать их обманом и коварством?

14. Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?

15. Отчего многие приезжие из чужих краев, почитавшиеся тамо умными людьми, у нас почитаются дураками; и наоборот: отчего здешние умницы в чужих краях часто дураки?

16. Гордость большей части бояр где обитает: в душе или в голове?

17. Отчего в Европе весьма ограниченный человек в состоянии написать письмо вразумительное и отчего у нас часто преострые люди пишут так бестолково?

18. Отчего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостью, потом же оставляются, а нередко и совсем забываются?

19. Как истребить два сопротивные и оба вреднейшие предрассудки: первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо; второй, будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо?

20. В чем состоит наш национальный характер?

На 14. Для того, что везде, по всякой земле и во всякое время род человеческий совершенным не родится.

На 14. Предки наши не все грамоте умели. NB. Сей вопрос родился от *свободоязычия*, которого предки наши не имели; буде же бы имели, то начли бы на нынешнего одного десять прежде бывших.

На 15. Оттого, что вкусы разные и что всякий народ имеет свой смысл.

На 16. Тамо же, где нерешимость.

На 17. Оттого, что тамо, учась слогу, одинако пишут; у нас же всяк мысли свои не учась на бумагу кладет.

На 18. По той же причине, по которой человек стареется.

На 19. Временем и знанием.

На 20. В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от Творца человеку данных.

БАСНИ ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ГОЛБЕРГА

Крестьянин и петух

Голодный крестьянин видел некогда во сне, что зван он был обедать на именины, и в самое то время, как стал садиться за стол, закричал так громко его петух, что крестьянин проснулся и лишился обеда. Он так рассердился за то на петуха, что побежал к нему и хотел свернуть тотчас ему голову. Петух просил его идти вместе к господину их, и какое он наказание определит, то обещался претерпеть оное без прекословия. Крестьянин приносил прежде свои жалобы и говорил, что петух не дал ему пообедать. Напротив чего тот извинялся незнанием и что пел он не с другого какого умыслу, как только по своему обыкновению.

– По крайней мере, – говорил ему крестьянин, – ты мог бы подождать до тех пор, как мы из-за стола встанем.

– Я с радостью б ждал, – отвечал петух, – ежели бы знал, что вы во сне видите. Да, пожалуй, скажи, – продолжал он свою речь, – не видятся ли вам иногда и дурные сны?

– И это со мною бывает, – отвечал крестьянин.

– Так, конечно, – говорил петух, – я иногда и услуги вам показывал и избавлял вас от таких снов, которые противны.

Посредник их, видев, что петух защищал себя справедливо, решил сие дело так: петух должен убит быть неотменно, когда впредь лишать будет крестьянина приятных снов, а, напротив того, крестьянин должен петуху сказывать с вечера, что ему ночью во сне видеться будет.

Баснь доказывает, что глупые требования глупо и решить надлежит.

Крестьянин и собака

Богатый крестьянин увидел в лесу собаку, которая остерегала его от разбойников, сказывая ему, что они уже близко и чтоб он, как возможно, спасался бегом.

Мужик просил ее остаться с ним для защищения; на то отвечала она ему, что собственная жизнь ей еще мила, и невозможно ей противиться столь многим вооруженным людям. Наконец мужик убедил ее просьбой, обещая свободный доступ в свою поварню, на что она согласилась, и он положился на ее сильное защищение. Скоро потом появились разбойники. Собака встретила их с такою яростию, что двоих умертвила, а третий принужден был спастись бегом. После сей победы напоминала она ему о его обещании, которое подтверждал он сильным обнадеживанием. Но как скоро мужик пришел домой и сказал о сем своей жене, то ругала она его до тех пор, пока принужден был отменить свое слово. Собака, уверена будучи заключенным договором, пошла прямо в поварню, откуда прогнали ее дубиною, так что от ударов насилу могла опаматоваться.

Баснь доказывает, что великие благодеяния часто весьма худо награждаются.

Путешествие голубя в чужие края

Голубь, будучи в крайней опасности от ястреба и других хищных птиц, предпринял наконец оставить свое отечество и искать такого места, где б остаток жизни мог препроводить спокойно и избавиться от опасности, которой был он подвержен в своем отечестве. Потом простился с своими приятелями и начал путешествие. По долговременном летании прибыл в весьма отдаленный город, где рассудил остаться; однако не прошло еще получаса, как увидел ястреба на башне.

– Так ты и здесь еще? – сказал он в крайней досаде. – Если б я это знал, то б, конечно,

все равно мне было и в моем отечестве остаться.

Баснь сия учит, что в свете будучи, нигде несчастья избежать не можно; оскорбления могут быть, хотя и под разным видом, равно чувствительны.

Лошадь знатной породы

Разные лошади как большие, так и малые ведены были для продажи на площадь. Между оными находились две, которые были одного хозяина. Одна была бодра и имела статный вид, а другая казалась тоща и больна. Они проданы были за разные цены: первая за пятьсот, а другая за десять гульденов. Лучшая определена была на королевскую конюшню, а другая для работы на мельницу. Сия последняя жаловалась на так несходную цену и сказывала о себе, что она происходит по прямой линии от Пегаса и, таким образом, ни одному зверю в знатности не уступает, а та, которая оценена была дорогою ценою, родилась от крестьянской лошади. На что отвечивал ей купец:

— Мы никогда не смотрим на знатность вашу, и нам дело не до прадеда твоего, а до тебя самой.

Баснь учит, что не должно предпочитать знатность добрым качествам, ибо она есть одна только химера.

ЛИСИЦА-КОЗНОДЕЙ³

В Ливийской стороне правдивый слух промчался,
Что Лев, звериный царь, в большом лесу скончался.
Стекались туда скоты со всех сторон
Свидетелями быть огромных похорон.
Лисица-кознодей, при мрачном сем обряде,
С смиренной харею, в монашеском наряде,
Взмостясь на кафедру, с восторгом вопиет:
«О рок! лютейший рок! кого лишился свет!
Кончиной кроткого владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай, зверей собор почтенный!
Се царь, премудрейший из всех лесных царей,
Достойный вечных слез, достойный алтарей,
Своим рабам отец, своим врагам ужасен,
Пред нами распростерт, бесчувствен и безгласен!
Чей ум постигнуть мог число его доброт?
Пучину благодати, величие щедрот?
В его правление невинность не страдала
И правда на суде бесстрашно председа-
ла;
Он скотолюбие в душе своей питал,
В нем трона своего подпору почитал;
Был в области своей порядка насадитель,
Художеств и наук был друг и покровитель».
«О, лесть подлейшая! – шепнул Собаке Крот. –
Я Льва коротко знал: он был пресущий скот,
И зол... и бестолков, и силой вышней власти
Он только насыщал свои тирански страсти.
Трон кроткого царя, достойна алтарей,

³ Имеется в виду казнодей.

Был сплочен из костей растерзанных зверей!
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи;
И словом, так была юстиция строга,
Что кто кого смога, так тот того в рога.
Благоразумный Слон из леса в степь сокрылся,
Домостроитель Бобр от пошлин разорился,
И Пифик-слабоум, писатель зверских лиц,
Служивший у двора честнее всех Лисиц,
Который, посвятя работе дни и ночи,
Искусной кистию прельщая зверски очи,
Портретов написал с царя зверей лесных
Пятнадцать в целый рост и двадцать поясных;
Да сверх того еще, по новому манеру,
Альфреско расписал монаршую пещеру, –
За то, что в жизнь свою трудился сколько мог,
С тоски и с голоду третьего дни издох.
Вот мудрого царя правление похвально!
Возможно ль ложь сплестать столь явно и нахально!»
Собака молвила: «Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстят подлые скоты?
Когда ж и то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает
И к счастью бредет презренными путями, –
Так видно, никогда ты не жил меж людьми».

ИЗ «ПОСЛАНИЯ К СЛУГАМ МОИМ ШУМИЛОВУ, ВАНЬКЕ И ПЕТРУШКЕ»

Скажи, Шумилов, мне: на что сей создан свет?
И как мне в оном жить, подай ты мне совет.
Любезный дядька мой, наставник и учитель,
И денег, и белья, и дел моих рачитель!
Боишься Бога ты, боишься сатаны,
Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?
На что сотворены медведь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька и Петрушка?
На что ты создан сам? Скажи, Шумилов, мне!
На то ли, чтоб свой век провел ты в крепком сне?
О, таинство, от нас сокрытое судьбою!
Трясешь, Шумилов, ты седой своей главою;
«Не знаю, – говоришь, – не знаю я того,
Мы созданы на свет и кем и для чего.
Я знаю то, что нам быть должно век слугами
И век работать нам руками и ногами,
Что должен я смотреть за всей твоей казной,
И помню только то, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я муж твоей любезной няньки;
На что сей создан свет, изволь спросить у Ваньки».

<...>

«...Москва и Петербург довольно мне знакомы,

Я знаю в них почти все улицы и дома.
Шатаюсь по свету и вдоль и поперек,
Что мог увидеть, я того не простерег,
Видал и трусов я, видал я и нахалов,
Видал простых господ, видал и генералов;
А чтоб не завести напрасный с вами спор,
Так знайте, что весь свет считаю я за вздор.
Довольно на веку я свой живот помучил,
И ездить назади я истинно наскучил.
Извозчик, лошади, карета, хомуты
И все, мне кажется, на свете суеты.
Здесь вижу мотовство, а там я вижу скупость;
Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.
Да, сверх того, еще приметил я, что свет
Столь много времени неправдою живет,
Что нет уже таких кощеев на примете,
Которы б истину запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ,
Слуги – дворецкого, дворецкие – господ,
Друг друга – господа, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя;
И всякий, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман.
До денег лакомы посадские, дворяне,
Судьи, подьячие, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри душ наших и сердец
Изволят собирать оброк с своих овец.
<...>
И трое все они, возвыся громкий глас,
Вещали: «Не скрывай ты таинства от нас;
Яви ты нам свою в решениях удачу,
Реши ты нам свою премудрую задачу!»

А вы внимлите мой, друзья мои, ответ:
«И сам не знаю я, на что сей создан свет!»

НЕДОРΟΣЛЬ

(Комедия изучается по отдельным изданиям)